
Д.А. НАЗИЛОВ

КОМПОЗИЦИИ ЗОРОАСТРИЙСКИХ АЛТАРЕЙ ОГНЯ САСАНИДСКОГО ИРАНА (ПО МОНЕТНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ)

С первых лет существования государства Сасанидов на аверсе монет каждого сасанидского царя помещался его портрет в профиль, а на реверсе – алтарь-аташдан, где горел священный огонь. Его изображение демонстрировало значение зороастризма как государственной религии. Приверженность к сохранению определенного количества составных частей алтаря – их семь – говорит о сакральном назначении предмета и существовании канонов, которых придерживались при его устройстве. В статье анализируются композиции аташданов в основном по изображениям, известным из публикаций сасанидских монет и монет-подражаний сасанидскому чекану. Автор отмечает постепенную схематизацию иконографии аташдана от монументальности к декоративности, связывая это явление с ослаблением роли зороастрийской религии в жизни государства и общества.

Ключевые слова: зороастризм, алтарь-аташдан, сасанидские монеты, композиция, база-пьедестал, ствол, капитель, религиозная символика.

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ с древних времен несли достоверные сведения о государстве, которому они принадлежали. В них запечатлены образы божеств и царей, государственные эмблемы, образцы письменности, символы религий и даже детали архитектурных сооружений и их фасады. Известно, что основным ритуалом зороастрийской религии проходил с применением священного огня, который подразделялся на разные виды. Иерархия храмов огня состояла из трех основных, но разностепенных по рангу огней: первая степень – Шах Аташ Варахрам (*Бахрам*) – «Царь Победоносный Огонь»; вторая степень – Аташ Адуран (*Адаран*) – «Огонь огней», третья степень – Аташ Дадгах – «Законно установленный Огонь». Священный огонь возжигался на специальных алтарях-аташданах: пристенных, переносных и статичных. Аташдан был важным символом зороастрийской религии, поэтому его изображению в древности уделялось особое внимание.

Аташдан изображался на стенах храмов, гробниц еще в доахеменидский период. В частности, над дверью входного портала гробницы Кызкапкан (VII–VI вв. до н. э.) в Мидии находится рельефное изображение двух мужчин, одетых в мидийские одежды и стоящих по бокам алтаря огня (*Бородина* 1970: 294, рис. 5). Здесь аташдан состоит из короткого толстого ствола, стоящего

на трех широких и высоких ступенчатых плитах – платформах. Ствол увенчан тремя навершиями, сравнительно низкими, одинаковой ширины с плитами. Изображения аташдана сохранились в настенных росписях, на стенках остоданов, на монетах, чеканенных в Средней Азии, а также на монетах сасанидского Ирана. На аверсе монет каждого сасанидского царя изображался его портрет, а на реверсе – алтарь, в верхней плоской платформе, где горел священный огонь.

По сведениям, основанным на сообщениях Аммиана Марцеллина, Себеоса и других древних авторов, каждый царь имел свой огонь, зажигаемый в начале его царствования; этот огонь поддерживался в переносном алтаре, вроде тех, что изображены на монетах (*Фрай* 2002: 286). Не исключено, однако, что «царем огней» именовали просто огонь правящего царя (*Anklesaria* 1908: 127–128).

Краткий обзор деталей архитектурных сооружений и алтарей-аташданов зороастрийской религии, изображенных на монетах Центральной Азии, уже предпринимался (*Азимов* 1997). В указанной публикации дается анализ небольшого количества монет начиная с эпохи Сасанидов и до XX в. География рассмотренных денежных знаков охватывает Иран, Афганистан, Среднюю Азию и др. Здесь же мы будем говорить о композиции аташданов в основном

по изображениям, известным из публикаций сасанидских монет и монет-подражаний сасанидскому чекану (ил. 1).

Образы царя и алтаря на монете указывает на приверженность государя к зороастрийской религии в сасанидском Иране. Культ Ахурамазды становится постепенно единой религией государства. Роль религии в государственном устройстве находит отражение в знаменитой поэме Фирдоуси «Шахнаме», где есть, например, такие сентенции: «Престол – опора алтаря, а алтарь – опора престола»; «Религия и царская власть – как тело и душа, за ними обоими стоит мир»; «Каждый раз, как трон остаётся без государя, теряет цену и мудрость, и религия».

Аташдан символизировал космогонические представления о земном и небесном мирах. Видимо поэтому на одной из монет, найденной на Кара-тепе в Узбекистане, по обеим сторонам алтаря огня с пламенем расположены изображения звезды и полумесяца (Пидаев, Баратова 2006: 175). Аташданы композиционно напоминают архитектурный колонный ордер. Внизу основание-база, состоящая из двух и более плоских ступеней, расширяющихся книзу. Ствол часто завершается четырьмя плоскими ступенями, расширяющимися кверху по мере их установки. Все алтари состоят из одних и тех же частей: база-пьедестал, ствол, капитель. В большинстве изображений аташданов ствол посередине привязан лентой. В некоторых из них ленты от привязи свисают по обе стороны ствола или же их концы устремлены кверху. По обе стороны алтаря всегда размещены изображения божества, царя и адептов (ил. 2).

В композиции аташданов имеются существенные различия. Не касаясь изображений других атрибутов, в частности надписей, ленточной привязи ствола, человеческих фигур по обе стороны аташдана и др., остановимся лишь на анализе композиций алтарей. Рассмотрим их в соответствии с последовательностью периодов правления царей сасанидского Ирана.

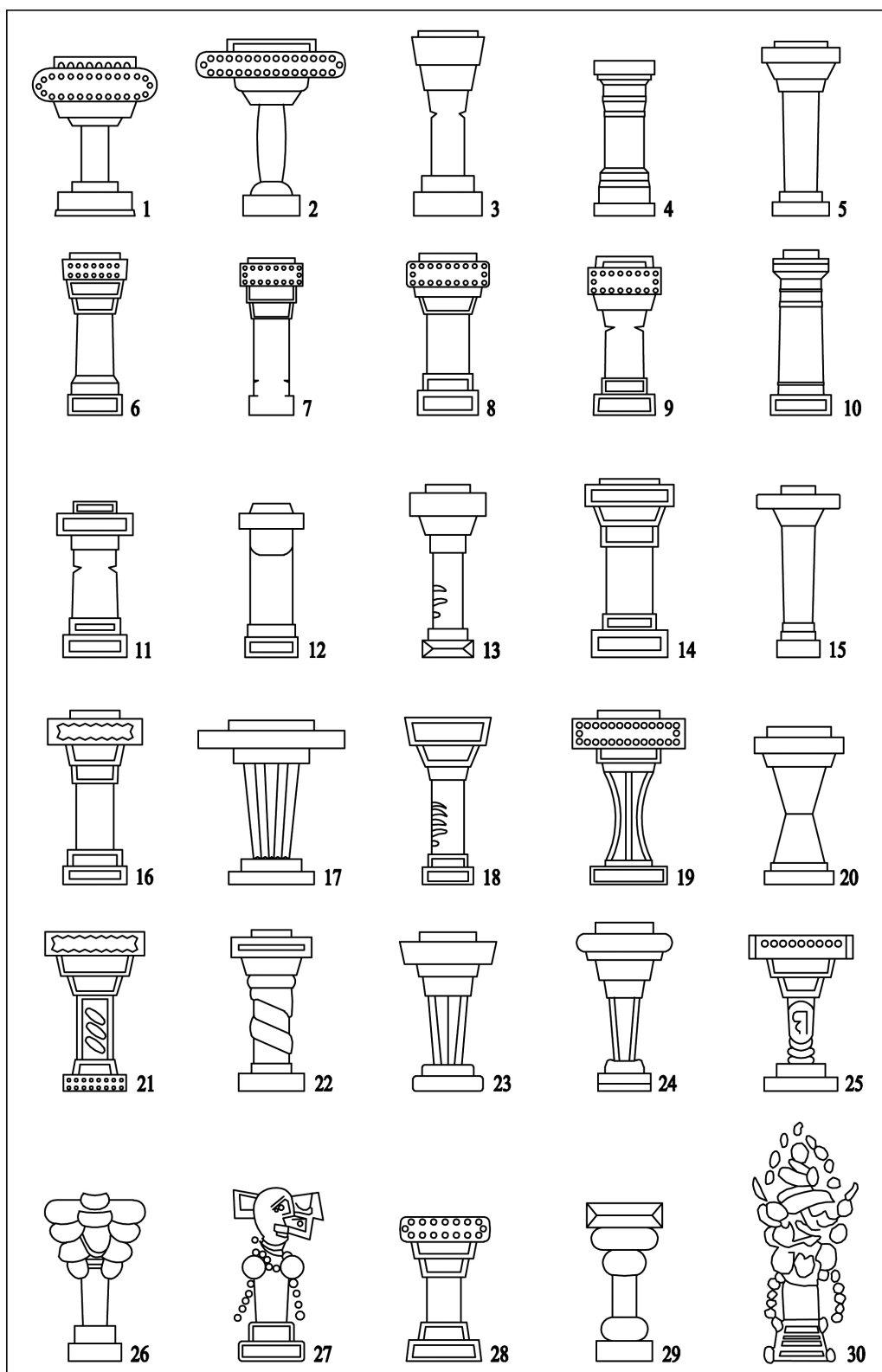
Примечательны две монеты Арташира I (Дашков 2008: 52-53). На одной капитель аташдана включает четыре плоские ступени с большим выносом в стороны. Третья плоскость, особенно высокая и с внушительным выносом, усиливает весомость композиции алтаря. На алтаре, изображенном на другой монете, третья плоскость также усиливает легкость и воздушность композиции большим консольным выступом. В композициях обоих алтарей мастера выделяют третью плоскость ступеньки не только увеличением ее размеров, но и орнаментальной отделкой: контуры обводных бордюров украшены цепью выпуклых точек.

На всех десяти известных монетах периода правления Арташира I (Луконин 1969: табл. 11), третья ступенька капители алтарей отличается чрезмерно большим консольным выносом на боковые стороны. На одном изображении ствол алтаря трактован вертикальными выпуклыми полосами, напоминающими канелюры римских колонн. Алтарь, изображенный на монете Шапура I, состоит из шести плоских плит и ствола. Ствол, круглый в сечении, пропорционален горизонтальным частям алтаря. Инерция напуска весомых ступеней капителей в боковые стороны приостановлена установкой четвертой узкой плиты, на которой горит священный огонь.

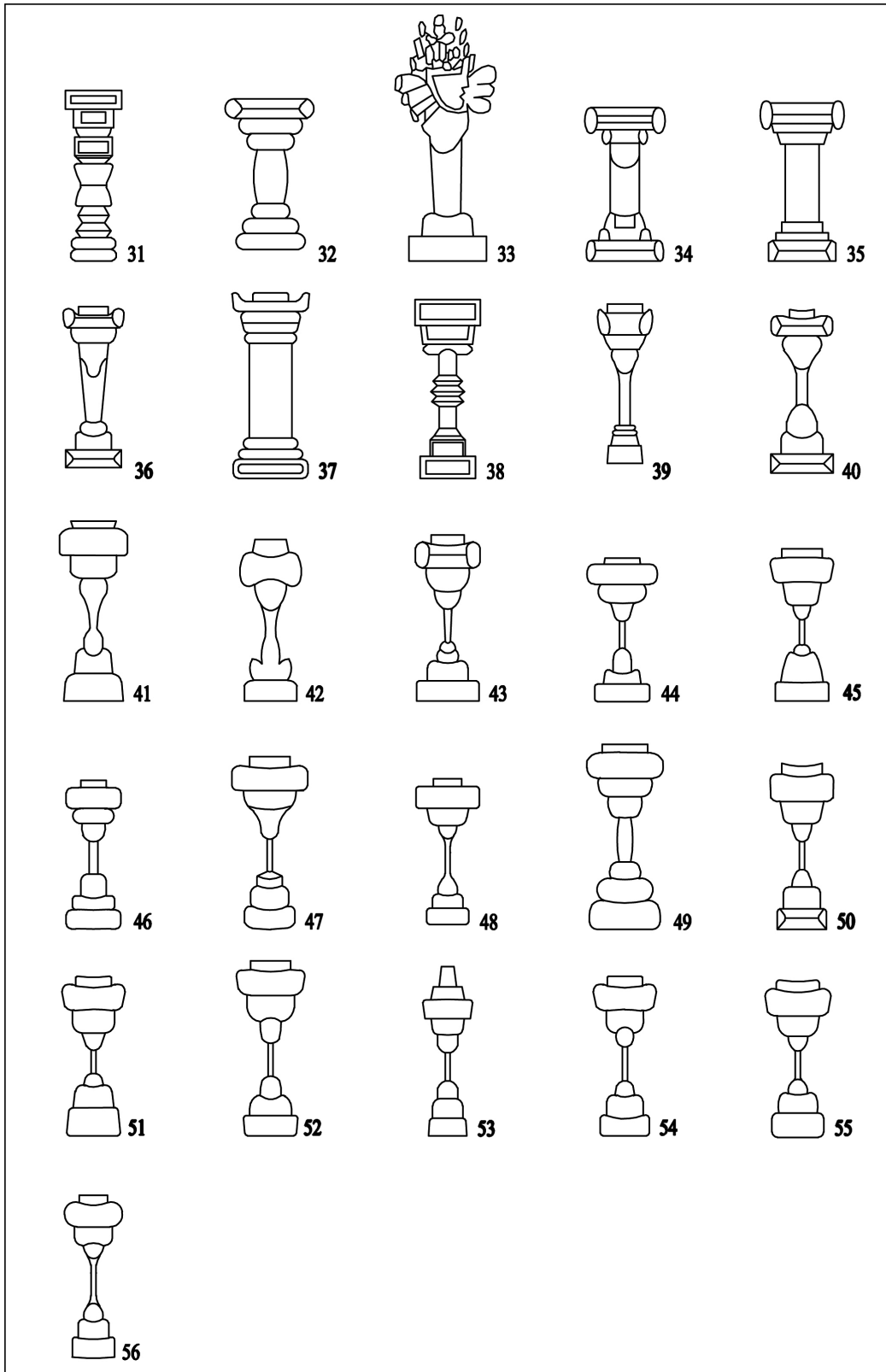
Высота алтаря огня, изображенного на оборотной стороне драхмы Хормизда I, приближается к человеческому росту. Пропорциональное сочетание тонких плоских ступеней-платформ нарушается чрезмерной толщиной и высотой ствола. Все это снижает композиционную устойчивость базы алтаря. На изображении алтаря Варахрана I ширина плоских ступеней мало выделяется от центрального стержня-ствола. Здесь ступеньки базы выделяются черточками, нанесенными по краям тела ствола, поэтому аташдан приобретает столбообразную композицию. На одной драхме Варахрана II предыдущая композиция повторяется. В ней контуры нижних плоских ступеней выделяются линией выпуклых бордюров.

В период правления Варахрана II выпускалось много типов монет. Неслучайно исследователь отмечает, что «это беспрецедентный во всей сасанидской нумизматике случай, когда за короткий период – всего 17 лет – чеканится около двадцати различных типов монет с различными изображениями» (Луконин 1979: 5). На аташдане, изображенном на монете царя Нарсе, ствол чрезмерной ширины и высоты. Ширина одной из верхних ступеней сохраняет уравновешенность композиции алтаря. Другие плоские ступеньки отделяются друг от друга и от ствола горизонтальными линиями.

На алтаре с монеты Варахрана III капитель отличается постепенным расширением плоских ступеней в боковые стороны. Ствол сохраняет массивность. Нижняя ступенька базы придает уравновешенность всей композиции алтаря. В ней, как и на алтаре Варахрана I, края ступеньки верхней части выделены контуром выпуклого бордюра. Композиции большинства алтарей начиная с Шапура I характеризуются широким пилоновидным стволом. Даже на монете, подражающей драхам Варахрана V, обнаруженной в Согде (КИДУ 1991: 33), изображен аташдан со стволом, оформленным в виде цельной, крупной «дыньки», широко

Ил. 1. Схематическое изображение (прорисовка) основных видов аташданов на монетах царей сасанидского Ирана: 1–2. Арташир I (227 – между 241 и 243 гг.); 3–4. Шапур I (243–273 г.); 5. Хормизд I (273 г.); 6. Варахран I (273–276 гг.); 7–9. Варахран II (276–292 гг.); 10. Варахран III (292 г.); 11–13. Нарсе (293–302 гг.); 14–15. Хормизд I (302–309 гг.); 16–18. Шапур II (309–379 гг.); 19–20. Арташир II (379–383 гг.); 21–22. Шапур III (383–388 гг.); 23–24. Варахран IV (388–399 гг.); 25. Иездигерд I (399–421 гг.); 26–27. Варахран V (421–438 / 439 гг.); 28–29. Иездигерд II (439–457 гг.); 30. Хормизд III (457–459 гг.); 3

31–32. Пероз (457–483/484 гг.); 33. Валкаш (484–488 гг.); 34–36. Кавад I (488–496.499–531 гг.); 37. Замасп (496–498/9 гг.); 38–40. Хосров I (531–579 гг.); 41. Хормизд IV (579–590 гг.); 42–43. Варахран VI (590–591 гг.); 44–45. Хосров II (590 г. 591–628 гг.); 46. Вистахм (591–596 гг.); 47. Хормизд V (?–?); 48. Кавад II Широ (628 г.); 49. Аргашир III (628–630 гг.); 50. Буран VI (630–631 гг.); 51. Хосров III (ок. 630 г.); 52. Хормизд VI (629–632 гг.); 53. Азармидухт (631–632 гг.); 54. Хосров V, или Фаррухзад-Хосров (632 г.); 55. Иездигерд III (632/633–651/652 гг.); 56. Арабо-сасанидские.

Ил. 2. Образцы монет сасанидского Ирана с изображением аташданов

распространенной в поздних деревянных колоннах Сурхандарьи.

Возможно, с целью придать легкость композиции ствола аташдана, изображенного на монете Варахрана IV, были сделаны вертикальные линии, напоминающие каннелюры. На согдийской монете, подражающей драхме Варахрана IV, каннелированный ствол имеет плавное сужение в середине (Дашков 2008: 300). На сасанидо-кушанской монете №191 из раскопок Дильберджина каннелированный ствол аташдана расширен книзу (Вайнберг, Кругликова 1984: 131, 140).

На изображении аташдана периода правления Йездигерда I имеется своеобразный элемент трактовки: спиралевидная резьба в нижней части ствола. На согдийском (?) подражании V-VI вв. драхме Варахрана V (Дашков 2008: 300) сохранена винтовая/спиральная трактовка верхней части ствола аташдана. Нижняя часть орнамента стёрта. Сомнение С.Б. Дашкова, обозначенное вопросительным знаком, по поводу принадлежности монеты согдийскому подражанию, рассеивается тем, что ствол колонны, охваченной снизу доверху винтовой резьбой, характерен именно для Согды. В частности, в биянайманских оссуариях (Кастальский 1908) посередине ствола вьется затухающая сверху спиралевидная кривая, – может быть, один из вариантов излюбленного в среднеазиатской архитектуре и в орнаментальном искусстве мотива мор-печ («изгиб змеи» – спираль). Ствол спаренных колонок лимаровского кувшинчика развивают тот же мотив жгута; прямую ему параллель дают колонки карликовой галереи мавзолея Саманидов (Пугаченкова 1950: 32). Так, на глиняном поливном сосуде VIII в. из Афрасиаба изображена беседка или павильон. В ней арки опираются на спаренные жгутовидные колонки с небольшими капительками в виде завитков (Ремпель 1961: 81-82). Ствол колонны со спиралевидной трактовкой имеет место и в архитектуре Тимуридов.

Еще не так давно в горной долине Верхнего Зерафшана были живы традиции тысячелетней давности. Мастер, несомненно, видел и оценил образцы прошлого в Рарзе, Урмитане (Воронина 1977: 48-49). Древние традиции сохранились и в других горных районах Средней Азии. Отсюда колонна с жгутовидной трактовкой ствола в горном селении Искодар (Воронина 1977: рис. 38); в верхнезерафшанских сёлах Зербод, Зосун (Назилов 1999: 183); в сурхандарьинских сёлах Дехаи Сурх, Дехаи Бодом (Назилов 1999: 174), в кашкадарьинском горном селе Хазрати Башир (Пугаченкова 1965: 86).

На монете Хормизда I ствол аташдана сверху и снизу отделяется одной ступенькой со значитель-

ным выступом. Алтарь на монете Арташира II отличается тем, что одна из верхних плоских плит (третья) довольно широкая и имеет большой вынос в боковые стороны, придавая композиции алтаря внушительность и монументальность. Здесь, как и на алтаре, изображенном на монете Шапура II, ствол алтаря имеет плавное сужение к середине. Это в определенной степени снижает массивность плоских ступеней.

На другой монете Арташира II ступеньки алтаря узкие, с небольшим выносом, возможно, округленные. В общей композиции алтаря преобладает ствол, состоящий из двух усеченных конусов, соединенных в узких сечениях. Еще на одной монете Шапура II алтарь огня приобретает приплюснутую форму за счет больших выносов плоских ступеней. Наблюдается, как и на изображении алтаря на монете Арташира I, включение в тело ствола вертикальных валиков, напоминающих каннелюры.

На монете Шапура III большую часть композиции аташдана занимают высокие плоские ступеньки. На теле короткого ствола сделаны длинные и короткие диагональные черточки. Сочетание толщины и ширины плоских ступеней со стволом придают композиции алтаря цельность, объемность и нарядность.

На монетах Варахрана V вместо верхних ступеней алтаря выполнено изображение головы божества. Аташдан того же типа с головой божества имеется на подражаниях драхам Варахрана V, обнаруженным в Согде и датированным V – началом VI в. (КИДУ: 33). На алтаре, изображенном на монете периода правления Валкаша (484–488 гг.), вместо плоских ступеней капители помещено изображение головы божества. Такие головы в пламени алтаря появляются еще в начале IV в. при Хормизде II (Луконин 1969: 155).

На монетах Пероза композиция большинства алтарей имеет классический вид: гладкий, круглый в сечении ствол сверху и снизу отмечен тремя валикообразными ступенями. На монете № 642, найденной в Пянджском районе, изображение ствола состоит из эллипсоидных, шаровидных форм, установленных друг на друга. На алтаре с монеты первой четверти VIII в., представляющей собой подражание драхме Пероза с согдийской легендой в надчекане, найденной на Аджина-тепа (ДТ 1985: 255, № 647), вся композиция ствола состоит из прямоугольных, конусовидных, чашевидных плоскостей с острыми и округленными снизу углами, наложенными друг на друга. Ствол здесь не цельный. Аташдан на этой монете напоминает ствол деревянной колонны начала н.э. из Восточного Туркестана в районе озера Лобнор.

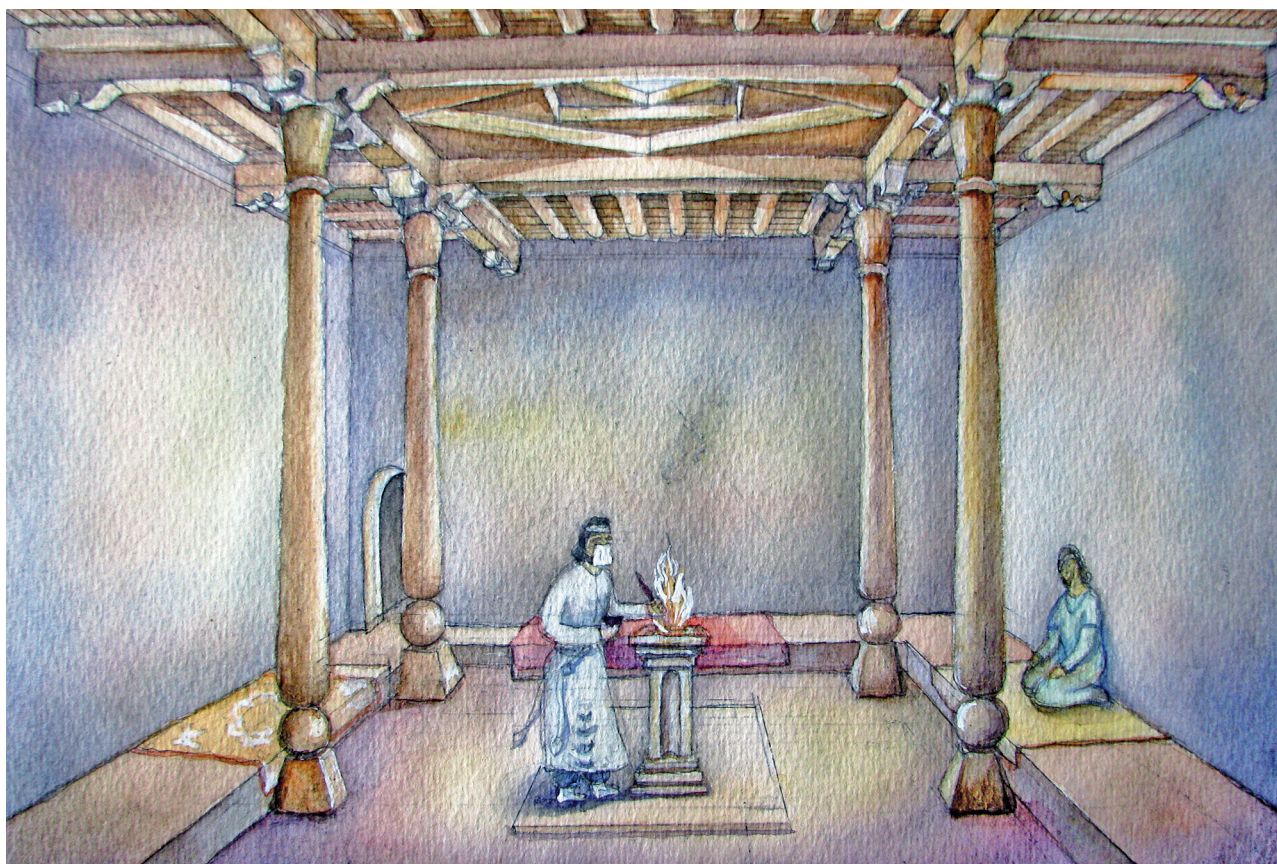

На одной монете Хосрова I Ануширвана ствол алтаря состоит из двух круглых усеченных конусов, соединенных в узких сечениях посредством стержня. Монета Хосрова I с изображением аташдана аналогичной композиции обнаружена в Чаганиане (КИДУ 1991: 10). На драхме периода правления того же царя середину узкого ствола занимают три плоские остроконечные валикообразные формы. Если на первом изображении конструктивность функции ствола аташдана теряется, увеличивается декоративность ствола, то на втором композиция алтаря за счет линейных обводных бордюров приобретает легкость.

Начиная с периода правления Хормизда IV на изображениях алтарей сечение ствола значительно сужается и превращается в тонкий цельный стержень. Это можно видеть и на монетах Хормизда IV, Варахрана VI, Хосрова II Парвиза, Вистахма, Хормизда V, Кавада II Широю, Фаррухзада-Хосрова и Йездигерда III, правление которых охватывает 579–651 гг. (Дашков 2008: 295–299). При этом увеличивается высота плоских плит баз и капителей, поэтому слабеет конструктивная устойчивость композиции и усиливается декоративность алтаря.

На изображении одной монеты из Тохаристана (*Зеймаль*, Луконин 1972: табл. XXVII, 1), подражающей монетам сасанидского Ирана, конусовидный ствол приобретает форму остроконечной ступенчатой пирамиды установкой на базу, состоящую из двух плоскостей со скошенными торцами. При этом насадка трехступенчатой капители с большим выносом верхней ступеньки на остроконечном стволе снижает конструктивную устойчивость.

На двух монетах периода царствования Нарсе (Луконин 1969: 155) имеются изображения колонн, установленных по обе стороны аташдана. На колоннах выделены пьедестал и капитель шаровидных форм. Шаровидные формы на пьедестале напоминают кузаги – кувшиновидные базы среднеазиатских колонн. Рисунок этих монет отображает интерьер храма. На рельефном рисунке оссуария, найденного в согдийском Мулла Кургане, изображен интерьер трёхнефного сооружения. На полу центрального нефа, между двумя колоннами установлен аташдан такой же композиции, как и на монетах сасанидского Ирана. Известно, что план храма с двумя колоннами, находящимися по сторонам аташдана, раскопан в Бишапуре (Луконин 1969: 155).

Ил. 3. Интерьер зороастрийского святилища. Верхний Зеравшан, Таджикистан. Реконструкция Д. Назилова

По свидетельству исследователей, на колоннах аналогичных храмов некогда были установлены статуи, на одной из них – определенно статуя Шапура I, о чём говорится в надписи на колонне, на другой – возможно, статуя Ахурамазды (*Ghirshman* 1936; *Луконин* 1969: 155). Указанные факты дают основание предполагать, что объемные аташданы сасанидского Ирана размещались в центре помещения. В больших залах аташдан находился между колоннами, которые поддерживали прогоны потолка – их могло быть две, четыре и более. Предполагается, что между колоннами над аташданом на потолке устраивались отверстия для освещения и вытяжки дыма от возжигаемого огня (ил. 3).

Вероятно, аташданы, изображенные на монетах Центральной Азии, имели высоту от 50 см до 2 м (*Азимов* 1997: 24–25). Примем к сведению и такое замечание: «На основании изображений на некоторых “сасанидоподобных” монетах, обращавшихся на территории Согда, известна форма местных алтарей огня с уступчатым основанием и верхом, отличающихся от иранских алтарей характером своих приземистых пропорций» (*Пугаченкова* 1950: 49).

По изображениям аташданов на монетах Чача III–VIII вв. (*Шагалов, Кузнецов* 2006: 89, 309) выделяются два типа композиций. На первом аташдан приземистый, ствол короткий, капитель и пьедестал состоят из одной плоской плиты. На втором аташдан отличается лишь высотой и солидностью ствола. Изображение алтаря с пирамидальным пламенем на бронзовом сосуде-кратере, найденном в местности Чорсу-Гозиён в 4 км к югу от Худжанда, в высоту немного выше колен людей, стоящих по обе стороны алтаря (*Литвинский, Турсунов* 1971: рис. 1).

В Пайкенде найдено несколько монет с изображением на реверсе алтаря огня. На лицевой стороне одной из монет – двугорбый верблюд, или бактриан, идущий вправо, в ободке из точек. На реверсе его в точечном ободке изображен двухступенчатый алтарь огня. Языки пламени вертикальные, прямые.

На лицевой стороне другой монеты изображение верблюда близко напоминает изображение на предыдущей монете. На оборотной стороне в линейном ободке – алтарь огня, не очень четкий, но видно, что он двухступенчатый, имеет широкое основание и широкую верхнюю часть, пламя в форме треугольника.

Из монет Бухарского оазиса представлены еще две монеты с изображением правителя, повернутого в $\frac{3}{4}$ оборота вправо, в точечном ободке. На реверсе в точечном ободке по центру – алтарь огня, сверху языки пламени. Слева от алтаря –

согдийская надпись из трех знаков (*Торгоев, Мирзаахмедов, Кулиш* 2014: 101–102).

На монетных изображениях сасанидского Ирана высота аташдана как правило выше фигур жрецов или адептов, занимающих обе стороны алтаря, или же на уровне их глаз. При такой высоте уход за огнём требует дополнительных ступенчатых площадок, что, кстати, не находит отражения почти ни на одном монетном изображении аташданов. Лишь на единственной монете периода Пероза (V в.), найденной на городище Культепа (средневековый Сабат в Северной Уструшане), на большой торговой трассе, ведущей из Согда в Худжанд, Фергану и далее в Китай имеется изображение высокого аташдана, по обе стороны которого служители храма стоят на деревянных подставках и, возможно, вливают масло в огонь. У одного из них подставка в виде стула на трех ножках, у другого подставка напоминает трон (*Буряков, Грицина* 2006: 158).

Очевидно, что на изображениях иранских монет учтены два обстоятельства. Во-первых, это могла быть задача возвеличить статус государственной религии, поскольку аташдан является главным символом зороастризма. Во-вторых, с точки зрения композиционного решения, элемент, занимающий центр окружности, своей доминантностью должен был объединить и подчинить всю композицию.

Как видим, для всех сасанидских монет в пределах одного царствования характерно, наряду с другими основными компонентами, наличие аташдана с фигурами жреца, мобеда, а также божества – Ахурамазды, Митры, Анахиты, расположенных по обе стороны от него. Однако формы стволов, капителей и баз – разные не только по композиции, но и по орнаментальной трактовке.

Зададимся вопросом: какова причина такого разнообразия? В.Г. Луконин пришел к выводу, что изображения на лицевой и оборотной сторонах монет были насыщены религиозной символикой. Можно считать, что изменение ряда компонентов, составляющих изображения на аверсе и реверсе, диктовалось государством и не зависело ни от традиций монетных дворов, ни от резчиков штемпелей. Сюда он относил и форму аташдана (*Луконин* 1969: 156–157). Если это так, то можно предположить, что каждый монарх стремился поддерживать свою легитимность в том числе и с помощью монетного чекана. Аташдан как символ зороастрийской религии являлся, видимо, и важным средством визуальной пропаганды. Иначе говоря, такие параметры как высота и толщина опоры-ствола, большой консольный вынос плоских ступеней капители и базы были отнюдь не случайными.

Но как объяснить изображения аташданов, на которых мощный, высокий ствол заменен на тонкий, а иногда и короткий стержень? В результате археологических работ в районе Термеза собрана интересная нумизматическая коллекция, состоящая из разновременных подражаний Перозу. Они различаются по характеру изображений, иконографии, составу металла и сохранности. Исследователи отмечают, что «по мере временного отдаления наблюдается процесс искажения изображений и надписей, который в конечной фазе приводит к замене изображения Пероза на лицевой стороне местным правителем и сильной схематизации иконографии на оборотной стороне» (Пидаев, Баратова 2006: 173).

На качество монет больше, чем хронологическая разновременность, ухудшение качества металла и др., влияла политическая и торгово-экономическая ситуация в стране. Усиление недовольства разных слоев населения – части иранской знати, крестьян, ремесленников и других приводило к мятежам, восстаниям против центральной власти. Ослабление Сасанидской державы как экономически, так и политически также стало причиной активизации борьбы народов покоренных стран против иранского господства.

Заслуживает внимания мнение о том, что основу сасанидских монет, найденных на упомянутом выше городище Культепа, составляют изделия, чеканенные в разных городах Ирана (Баратова 2002: 52). Не исключено, что отсутствие централизованного монетного двора могло привести к разнообразию изображения частей и форм аташдана, а также ухудшению качества монет. Это подтверждает сравнение изображений на двух монетах Пероза: на одной из них аташдан состоит из нескольких чашевидных геометрических форм, а на другой за счет соразмерности частей имеет традиционно-классическую форму.

Следует также учесть и такое мнение: «Надо думать, что постепенное ухудшение качества резьбы и схематизация сюжетов сасанидских резных камней, как и некоторых других памятников, обусловлены и другими факторами. Одним из них, несомненно, является многократное повторение сюжетов, что естественно приводит в искусстве к схематизму» (Бабаев 1971: 55). Точно также многократная чеканка приводит к ухудшению рисунка матрицы. По этому поводу О.И. Смирнова справедливо замечала, что «о неопытности, а в ряде случаев и просто небрежности не только мастеров, но и монетчиков свидетельствует значительное количество экземпляров, при изготовлении которых матрицы или штемпеля монет оказались сдвинутыми на 3–5 мм и даже на половину монетного кружка» (Смирнова 1981: 44).

Исходя из концепции В.Г. Луконина, что исполнение всех компонентов диктовалось государством, сказанное можно объяснить следующим образом: возможно, что начиная с периода правления Пероза влияние зороастрийской религии снизилось. Исследователи сообщают, что к концу правления Сасанидов зороастрийской церкви приходилось самой отстаивать свое существование – государство, с которым она была так тесно связана, пришло в упадок. Не только внутренние причины ослабляли религию – на нее наступали и внешние силы. Манихейство, так и не задушенное окончательно мобедами, получило новых приверженцев, особенно в Средней Азии. Еще более внушительным было распространение христианства (Фрай 2002: 325). Не потому ли изображение аташдана утратило прежнее символическое значение и оставалось на усмотрение изготовителей монет, которые к изображению этого атрибута подходили из своих творческих возможностей и соображений, усилив декоративность композиции?

Как уже отмечалось, начало утончения стволов аташданов на монетных изображениях относится ко времени правления Хосрова I. По сообщению Иоанна Эфесского, этот правитель собирал книги всех религий, читал их и размышлял над тем, которые из них истинные и мудрые. «После того, как он все прочел и рассмотрел, он хвалил больше всех книги христиан и говорил: “эти истиннее и мудрее всех религий”» (Пигулевская 1964: 308; Дашков 2009: 140). Декоративность изображения аташдана на монетах продолжалась и в последующие периоды царствования сасанидских царей. Очевидно, что при последних Сасанидах стилизация этого прежде столь значимого атрибута уже глубоко вошла в традицию.

Образцом подражания сасанидским монетам на заре ислама служит серебряный дирхем, отчеканенный в Махаль-Басре (Нехавенд) в 658 г. На аверсе изображен Хосров II Парвиз со своим своеобразным крылатым венцом. Проработка грубая по сравнению с монетами, отчеканенными самым царем, но в нижнем правом углу выведена басмала, символизирующая победу ислама. На реверсе представлен алтарь огня с двумя служителями (Brend 1991: 37). Это свидетельствует о том, что монеты, отчеканенные за пределами Ирана, а также в пору смены религий уступали качеством исполнения. На данном дирхеме пропорции аташкада заметно вытянуты, база и горизонтальные полочки чрезмерно высоки по отношению к ширине. Такое же несоответствие пропорции частей аташдана продолжается и на арабо-сасанидских монетах 661–680 гг.

Ил. 4. Рельефное изображение фасада зороастрийского святилища, совмещенного с интерьером, на стенке оссуария из Мулла-Кургана. Источник ил: sogdians.si.edu/mulla-kurgan-ossuary/

Таким образом, хотя изображения алтарей на монетах последних Сасанидов передают чисто декоративный образ, все же они свидетельствуют о существовании в то время храмовых аташданов, также как и упомянутое выше рельефное изображение на стенке оссуария из Мулла Кургана (ил. 4). Изображения переносных аташданов аналогичной композиции имеют место и в настенных росписях Пенджикента. Там, как и на аташданах сасанидского Ирана, выделяются капитель, ступенчатый пьедестал, поясok с орнаментальными зарубками, выпуклыми валиками и другими деталями.

Ознакомление с основными видами изображений алтарей, воспроизведенных на монетах, свидетельствует о том, что их эволюционное развитие идет от монументальности к декоративности. Изображение алтарей на монетах раннего периода имеет репрезентативный, торжественный вид. Стволы в них широкие, высокие, будто сложены из жженого кирпича или камня. Сочетание ствола и ступенчатых плоских плит достаточно пропорционально.

Алтари на монетах позднего периода отличаются легкостью и условностью. Ствол у них корот-

кий и узкий. Плоские плиты пьедестала и капители больше напоминают кубовидные каменные блоки, которые по пропорциям никак не совместимы с тонкими, изящными стержнями-стволами. Здесь попросту нарушена конструктивная устойчивость реального алтаря и его изображение становится совершенно схематичным.

***

Итак, аташдан на реверсе монет сасанидского Ирана демонстрировал значение зороастризма как государственной религии. Приверженность к сохранению определенного количества составных частей алтаря – их семь – говорит о сакральном назначении предмета и существовании канонов, которых придерживались при его устройстве.

Символическое изображение алтаря на оборотной стороне монет воспроизводит в общих чертах реальную композицию существовавшего в то время основного и широко распространенного вида алтаря. О бытовании реального аташдана такой формы свидетельствуют настенные росписи Пенджикента, рельефное изображение над дверью гробницы Кызкапкан и другие артефакты.

Не исключено, что ствол алтаря символизировал опору и мощь религии в государственном масштабе. Возможно, что переход изображения ствола от массивной, пилоновидной композиции к значительному утончению или разбивке тела ствола на ряд геометрических фигур, одним словом – стилизация алтаря, свидетельствует о допустимости самостоятельного творческого подхода художников-чеканщиков в периоды правления отдельных сасанидских царей. Вероятно, такие новшества стали следствием экономического упадка, а также натиска других конфессий – манихейства, христианства, а затем ислама, что привело к ослаблению зороастризма и, соответственно, к сугубо декоративному значению образа аташдана. На разнообразие его форм, на стилизацию его частей, очевидно, повлияло также изготовление монет одного и того правителя в разных городах Ирана. Такая форма аташдана стала повторяться и впоследствии превратилась в традицию, в стиль.

Увеличение размера аташдана со всеми его элементами по сравнению с персонажами происходило, скорее, из соображений компоновки алтаря в центре монеты: центральный элемент должен служить доминантной фигурой, объединяющей остальные части изображения в единую композицию. Возможно также, что увеличением масштаба алтаря подчеркивалась роль господствующей религии в государственном масштабе.

Встречаются монеты с изображением аташдана, верхнее венчание которого завершается чрезмерно большим консольным выносом. Это можно видеть на монетных изображениях Арташира I и Шапура I. Такой значительный вынос верхних ступеней едва ли можно называть капителью – скорее, это символика верхнего мира, космоса. В этом случае ствол, сохраняя семантическое значение опоры религии, приобретает дополнитель-

ную функцию в качестве arbor mundi – мирового древа, описанного в Авесте (Яшт 12, 17) как самое главное дерево, прародитель всех растений. Как бы то ни было, в сасанидском Иране было широко распространено представление о жертвенном алтарном столбе как одной из форм оси мира, соединяющей землю и небо. И аташдан, в свою очередь, мог служить наглядной иллюстрацией идеи о трехчастном строении вселенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азимов 1997 – Азимов И.М. Архитектура на деньгах стран Центральной Азии // Нумизматика Центральной Азии. II. Ташкент: 1997. С. 24-28.
- Бабаев 1971 – Бабаев И.А. К вопросу о взаимосвязях Кавказской Албании с сасанидским Ираном (по материалам глиптики и нумизматики) // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция. 1969 г. Доклады. М.: Наука, 1971. С. 43-50.
- Баратова 2002 – Баратова Л.С. Монеты Культепинского клада // Нумизматика Центральной Азии. VI. Ташкент: 2002. С. 51-58.
- Бородин 1970 – Бородин И.Ф. Архитектура Мидии // Всеобщая история архитектуры, т. 1. М.: Стройиздат, 1970. С. 291-295.
- Буряков, Грицина 2006 – Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Мавераннахр на Великом шелковом пути. Самарканд-Бишкек: МИЦАИ, 2006.
- Вайнберг, Кругликова 1984 – Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монетные находки из раскопок Дильберджины (II) // Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1984. С. 125-140. С. 125-140.
- Воронина 1977 – Воронина В. Г. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М.: Стройиздат, 1977.
- Дашков 2008 – Дашков С.Б. Цари царей Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИА-ЗИЯ, 2008.
- ДТ 1985 – Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985.
- Зеймаль, Луконин 1972 – Зеймаль Е.В., Луконин В.Г. Монеты из раскопок Кара-тепе 1961-1971 гг. (Краткая справка) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в старом Термезе. М.: Наука, 1972. С. 101-103.
- Кастальский 1909 – Кастальский Б.Н. Бия-найманские оссуарии // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Вып. XIII. Ташкент: 1909. С. 1-36.
- КИДУ 1991 – Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки (в 2 книгах). М.: 1991.
- Литвинский, Турсунов 1971 – Литвинский Б.А., Турсунов Н.О. Ленинабадский кратер и Луврская ваза Сосибия // Вестник древней истории. 1971. № 3. С. 92-106.
- Луконин 1969 – Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.
- Луконин 1979 – Луконин В.Г. Иран в III веке. М.: Наука, 1979.
- Назилов 1990 – Назилов Д.А. Зодчество горных районов Средней Азии. Ташкент, 1999.